

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

НА КРАЮ ТИШИНЫ

МЕЖДУ ЗВЁЗДАМИ ЧТО-ТО ЕСТЬ

АРТЁМ ЛАБАЕВ

2022-2026

Артём Лабаев

На краю тишины

«Автор»

2026

Лабаев А.

На краю тишины / А. Лабаев — «Автор», 2026

Космос — это тишина. Так учат. Так думают все. Но что, если тишина — не отсутствие звука, а присутствие того, кто слушает? Экипаж «Ковчега-7» обнаруживает сигнал, которого не должно быть. Он не похож ни на один известный протокол. Он звучит как чей-то голос. И он ждёт ответа. Пытаясь разгадать тайну, четверо на краю реальности погружаются в невозможное — туда, где привычные законы перестают работать, а знакомый космос становится чужим. Они ответили на сигнал. И тишина заговорила. «На краю тишины» — научно-фантастический роман о космосе, который не пуст, и о людях, которые решили его услышать.

© Лабаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал из ниоткуда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

На краю тишины

Есть вещи, которые лучше не знать. Есть тайны, которые лучше не нарушать. Есть тишина, которую лучше не слышать.

Глава 1. Сигнал из ниоткуда

Космическая станция «Ковчег-7» висела на краю обитаемой зоны системы Коперника, словно одинокий маяк на границе вечной ночи. Под её брюхом медленно проплывали рои ледяных астероидов, подсвеченные бледным, умирающим светом далёкой звезды, а за ними простиралась Великая Пустота — сектор, который навигационные карты обводили жирной алой чертой. Сектор, где не было ничего, кроме застывшего времени и многолетнего эха катастроф.

Именно оттуда, из самого сердца запретного космоса, и пришёл сигнал.

Это произошло в третьем цикле дежурства, когда тишину командного центра нарушало лишь басовитое гудение систем жизнеобеспечения. Все экраны разом вспыхнули тревожным алым, будто кто-то невидимый плеснул в них венозной кровью. Автоматика взвыла, захлёбываясь от противоречивых данных.

— Не может быть... — выдохнул оператор Ларин, подавшись вперёд так резко, что скрипнули амортизаторы его кресла. Его худые, вечно испачканные в графитовой пыли пальцы замерли над сенсорной панелью, не решаясь коснуться бегущих строк кода. — Частота совпадает с протоколами Земли времён Исхода. Полное совпадение. Но этого не может быть.

— Что значит «не может»? Докладывай яснее, — начальник станции Рейд возник за его спиной бесшумно, словно призрак. Он положил тяжёлую ладонь на спинку кресла, вглядываясь в алый хаос на мониторе. Скуластое лицо, пересечённое старым шрамом, оставалось каменно-спокойным, но в тусклом свете экранов его глаза блеснули холодом.

— Сигнал идёт из запретного сектора, сэр. Сорок седьмой квадрант. «Мёртвая зона».

— Из «мёртвой зоны»? — Рейд нахмурился. Он не любил это название. Оно звучало как приговор. — Там же нет ничего, кроме обломков и остаточной радиации. Последний корабль пропал там двадцать лет назад. Проверь, может, помехи. Магнитная буря, выброс с Коперника-9.

— Уже проверил, — Ларин тряхнул головой, и его голос, обычно тихий, зазвенел от нервного напряжения. — Никаких бурь. Фон чистый. Сигнал чёткий, как будто источник работает в прямой видимости. Но это ещё не всё.

Он увеличил фрагмент спектрограммы, растянув его на весь центральный экран. Сигнал повторялся циклично: короткая пауза, потом серия цифр. И снова. Снова. И снова. Никакого кода SOS, никаких координат для спасательной шлюпки. Просто бесконечная, монотонная математическая мантра.

— Может, это автоматический маяк с погибшего корабля? — раздался тихий, но твёрдый голос.

Биолог Вера стояла у входа, кутаясь в мягкий лабораторный халат, будто в одеяло. Она неслышно подошла во время тревоги и теперь смотрела на экраны своими спокойными, чуть раскосыми глазами. — Старый «Гермес» или «Пионер». Система сошла с ума и транслирует свой серийный номер.

— Нет, — связист провёл пальцем по экрану, выделяя аномалию. Линия на графике дрожала, создавая странный паттерн — не строго периодичный, а будто нарочито неровный, живой. — Шум так не выглядит. Случайный сигнал не может быть таким... намеренным. Смот-

рите: вот здесь, здесь и здесь — сдвиг на микросекунду. Кто-то или что-то передаёт это осознанно. Оно словно ждёт ответа.

В командном центре повисла та особенная тишина, которая бывает только в космосе — абсолютная, высасывающая все звуки. Тишина, в которой каждый слышал удары собственного сердца. Запретный сектор молчал два десятилетия, храня свои тайны. И вот он заговорил языком чисел.

— Готовьте разведывательный дрон, — приказал капитан, нарушая молчание. Его голос прозвучал как удар гонга. — «Стрекозу». Дальнего радиуса. Хватит гадать. Посмотрим, кто там решил поупражняться в арифметике.

Час ожидания растянулся в вечность. Дрон, похожий на серебристую стрекозу с прозрачными крыльями солнечных батарей, скользнул в «мёртвую зону», транслируя на «Ковчег» серую рябь космической пыли. Пыль была густой, плотной, как застоявшаяся вода в заброшенном колодце; она рассеивала свет звезд, погружая пространство в вечные, непроглядные сумерки. Из-за неё картинка дергалась, сбоила, распадаясь на пиксели.

— Подходим к источнику, — голос связиста сел. — Две тысячи метров. Тысяча пятьсот. Есть визуальный контакт!

Экран очистился. Камеры дрона, пробив пелену пыли, выхватили из мрака очертания. Это был не рой обломков, на который подсознательно надеялся каждый на станции. Это был корабль. Целый. Старый, неуклюжий, словно вросший в саму ткань космоса, его некогда светлая обшивка была покрыта безобразными рубцами и оспинами от тысяч микрометеоритных попаданий. Но он не был мёртв. Над его кормой тускло горели навигационные огни, а из повреждённого сопла, пульсируя, вырывался слабый фиолетовый проблеск.

— Как такое возможно... — прошептала Вера, прижав ладонь к губам. — Он функционирует.

Дрон сделал плавный вираж, обходя судно по широкой дуге, приближая обзор к главному иллюминатору. Толстое бронированное стекло было покрыто сеткой мелких трещин, но держало герметичность. Ларин затаил дыхание, пытаясь разглядеть хоть что-то внутри. В этот момент автоматика зафиксировала движение и подала сигнал тревоги.

Что-то мелькнуло за стеклом. Размазанное, быстрое, словно сгусток болотного тумана. Оно переместилось от переборки к центру иллюминатора, на мгновение прильнуло к треснувшему стеклу, заслонив собой тусклый свет аварийной лампы.

Оно было зелёным.

— Увеличение! — рявкнул Рейд. — Максимальное!

Камера дернулась, ловя фокус. Но было уже поздно. Движение прекратилось так же внезапно, как и началось. В иллюминаторе снова стояла темнота, мёртвая и непроницаемая, как глаза закрывшегося на дно утопленника. Лишь отблеск звёзд дрожал на паутине трещин, скрывая тайну заброшенного корабля, пришедшего из ниоткуда.

Дрон замер в метре от обшивки, балансируя в невесомости с точностью, на какую способны только автоматы. Его маневровые двигатели, тихо шипя, компенсировали гравитационные возмущения, а камеры, переключившись в сверхчувствительный спектральный режим, начали методично обшаривать древний борт, сантиметр за сантиметром выхватывая из мрака детали, скрытые десятилетиями космической пыли.

Первыми проступили буквы. Огромные, выцветшие, нанесённые когда-то алой краской, а теперь облупленные до ржавой основы. Они складывались в слова, которые заставили Веру судорожно втянуть воздух.

«СССР-КС-208».

— Этого не может быть, — выдохнула она, и её голос дрогнул, теряя обычную научную невозмутимость. Она невольно сделала шаг к экрану, словно хотела дотронуться до изобра-

жения. — Советский исследовательский корпус... Это же корабли-легенды. Они пропали ещё до Первой Колонизации. До эпохи Внешних Миров. Это история... учебники... Их считали уничтоженными во время Мятежа ИскИнов или погибшими при прокладке Врат. Как он мог сохраниться здесь?

— Значит, не все они погибли, — мрачно отозвался Рейд, не отрывая взгляда от данных телеметрии. Его скулы заострились, шрам побелел — верный признак крайнего напряжения. — Один, как видишь, уцелел. И пришёл сюда. Но на чём? На честном слове и маневровых двигателях, которые старше нас с тобой вместе взятых?

Ларин тем временем крутил ручки настройки, заставляя камеры дрона скользить вдоль корпуса. Увеличение достигло максимума, и он присвистнул — тихо, сквозь зубы, но в мёртвой тишине командного центра этот звук прозвучал как выстрел.

— Смотрите на обшивку. Это не метеориты.

Вмятин на корпусе хватало — глубокие рытвины и оплавленные края, следы жестоких столкновений с космическим мусором. Но то, на что указывал Ларин, было иным. Поверх этих хаотичных шрамов, опоясывая корабль вдоль экватора, тянулись странные, почти ритмичные царапины. Они не походили на случайные удары. Скорее на гигантские борозды, оставленные чем-то, что методично оббивало корпус — словно удав пробовал его на прочность или... искал вход. Широкие, параллельные полосы с рваными краями, будто металл не пробивали, а соскребали слой за слоем.

— Сканирование завершено, — доложил динамик бесстрастным голосом корабельного компьютера — Внутри объекта зафиксирована атмосфера. Азотно-кислородная смесь. Давление в пределах нормы. Температура... четырнадцать градусов по Цельсию.

— Там кто-то живёт, — прошептала Вера, и в её глазах вспыхнул опасный огонёк исследовательского азарта. — Кто-то поддерживает системы. Включи биометрию.

Ларин кивнул и переключил сканеры. Экран мигнул, перестраиваясь в режим биологического анализа. И почти сразу же запестрел алыми и зелёными маркерами.

— Есть признаки жизни, — подтвердил он, и его голос сел почти до шёпота. — Но... сэр, это не человеческие сигнатуры.

Рейд резко наклонился вперёд, почти касаясь лицом монитора.

— Что значит «не человеческие»?

— Сканер фиксирует хлорофилл. В высокой концентрации. Такое бывает... у растений. У некоторых водорослей. Но не у людей. Плюс, — он ткнул пальцем в бегущий столбец данных, — странные металлические включения прямо в органических тканях. Железо, медь, следы кремния. Это не колонисты в скафандрах, сэр. Это что-то другое.

Тишина в командном центре стала почти физически ощутимой. Вера сглотнула, чувствуя, как холодок пробежал по спине. Рейд медленно выпрямился, и в его серых глазах читалась мрачная решимость человека, который только что осознал масштаб катастрофы, в которую они угодили.

И в этот момент иллюминатор на корабле вспыхнул изнутри.

Это был не свет аварийной лампы. Не тусклое мерцание умирающих систем. Это был живой, пульсирующий, биолюминесцентный зеленоватый огонь, на секунду осветивший край обшивки и ржавые буквы «СССР».

— Движение! — крикнул Ларин.

Дрон среагировал быстрее человека. Автоматика попыталась взять объект в фокус, но было слишком поздно. За бронированным стеклом, покрытым паутиной трещин, что-то промелькнуло. Длинное, гибкое, зеленоватое, оставляющее в воздухе слабый фосфоресцирующий след. Оно метнулось от переборки к центру и пропало из виду быстрее, чем человеческий глаз мог зафиксировать детали.

— Разворачивай дрон! — рявкнул Рейд. — Дай полный обзор!

Но приказ опоздал.

Экраны дрогнули. Изображение с камер пошло рябью помех, рассыпалось на кубики пикселей, словно кто-то плеснул в объектив чёрной краской. Ларин судорожно застучал по сенсорам, пытаясь восстановить связь, перезагрузить видеопоток — тщетно. Дрон не отвечал. На центральном мониторе застыл последний, размытый до жути кадр: тень, прижатая к иллюминатору с той стороны стекла. Растопыренные, неестественно длинные пальцы — или то, что заменяло пальцы этому существу, — распластанные по холодной поверхности. Их было не пять. Их было больше.

А потом видеоканал исчез совсем.

— Мы потеряли дрон, — глухо констатировал Ларин. Его пальцы дрожали, когда он отключал мёртвый канал. — Он ещё на связи, телеметрия идёт, но камеры... их будто залепило. Физически.

На «Ковчеге-7» воцарилась тишина. Такая глубокая, что было слышно, как где-то в недрах станции капает конденсат. Три человека стояли, не в силах отвести глаз от пустого чёрного экрана, на котором минуту назад они видели невозможное.

Вера заговорила первой. Её голос звучал тихо, но в нём не было страха. Только непоколебимая, почти безумная убеждённость учёного, который нашёл главную загадку своей жизни.

— Мы должны лететь туда.

Рейд медленно повернулся к ней, и в его взгляде читалось что-то среднее между восхищением и ужасом.

— Это самоубийство, — он сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Ты видела то же, что и я. Корабль не пуст. И если там кто-то выжил... если это вообще можно назвать «кем-то»... он провёл в изоляции больше ста лет. Ты понимаешь, что изоляция делает с разумом человека? А если это не человек? Ты готова встретиться с тем, что оставляет такие царапины на титановых сплавах?

— Если бы оно хотело нас уничтожить, — возразила Вера, — оно бы не передавало сигнал. Оно бы затаилось. Сигнал — это приглашение. Или мольба. Мы не можем просто уйти.

Ларин, до этого молчавший, поднял голову. В его глазах стоял почти суеверный страх.

— Или это не «он», — прошептал он. — Или это — уже не он.

Он хотел добавить что-то ещё, какое-то последнее, самое жуткое предположение, но слова застряли у него в горле. Потому что в этот момент динамики командного центра, те самые, что только что транслировали белый шум с потерянного дрона, ожили.

Сначала — треск. Потом — шипение. А потом — голос.

Он пробивался сквозь толщу помех, искажённый до неузнаваемости, словно говорящий находился под водой или на дне глубочайшего колодца. Но он был человеческим. Вне всяких сомнений. И в этом была самая страшная правда.

«Ме-е-едузы...» — прохрипел голос, и от этой растянутой, почти детской интонации у Веры волосы встали дыбом. — «У них... Усы...»

Сигнал снова ушёл в треск.

А три человека на станции остались стоять, переглядываясь в мёртвом свете аварийных огней. Приглашение было получено. И оно звучало как предупреждение из уст безумца.

Оператор Ларин первым сорвался с места. Его худые, с жилистыми пальцами руки — вечный спутник тех, кто слишком много печатает и слишком мало спит, — дрогнули над клавиатурой и замерли, словно наткнувшись на невидимую стену. Он резко откинул со лба прядь тёмных, давно не стриженных волос и впился взглядом в динамики, будто пытался увидеть звук. Кадык дёрнулся, проталкивая комок в пересохшем горле.

— Это... шутка? — его голос, обычно ровный и технически-бесстрастный, голос человека, который привык разговаривать с машинами, а не с людьми, дал трещину. — ИскИн, подтверди источник сигнала. Только не говори мне, что это дрон. Дрон не может говорить.

— Источник голосового сигнала: объект «СССР-КС-208», — бесстрастно отозвался ИскИн. — Аудиоданные получены по резервному каналу телеметрии. Видеоканал по-прежнему не отвечает.

Начальник станции Рейд не проронил ни слова. Он стоял, как вкопанный, посреди командного центра, и тишина вокруг него сгущалась, словно кокон. Его массивный подбородок был напряжён до каменной твёрдости, а широкие плечи — те самые, которые экипаж за глаза называл «шлюзовыми дверями», намекая, что ими можно таранить астероиды, — слегка подались вперёд. Старая привычка человека, который всю жизнь провёл на фронтире и привык принимать удары грудью, а не уклоняться от них. Его короткие, седеющие у висков волосы были взъерошены: в сотый раз он забыл воспользоваться статиком, и теперь седые волны топорщились в разные стороны, придавая ему вид скорее растерянный, чем грозный.

— Нет, — наконец произнёс он. Слово упало в тишину, как камень в глубокий колодец. — Это не шутка. Это безумие. Самое настоящее, клиническое безумие. Кто-то просидел в этой консервной банке больше ста лет и теперь разговаривает с нами про... медуз. Про усы. Ты понимаешь, что это значит?

— Что он видел нечто, — тихо отозвался Ларин, не оборачиваясь. — Нечто, для чего у него не осталось нормальных слов.

Биолог в отличие от них не замерла. Она вообще редко замирала — жизнь учёного на краю обитаемой зоны приучила её, что паника и бездействие убивают быстрее радиации. Она уже крутила в руках портативный сканер, и её тонкие, вечно испачканные чернилами от биопроб пальцы (она так и не привыкла к цифровым записям, предпочитая старые добрые маркеры по ткани) быстро настраивали частоты, вылавливая из шума крупницы информации. Её рыжие волосы, собранные в небрежный пучок — тот самый, который героически держался ровно час после утренней смены, а потом распадался, сколько бы шпилек она в него ни втыкала, — казалось, излучали собственное беспокойство. Отдельные пряди, выбившись, плясали вокруг её лица, и она то и дело сдувала их с глаз, не отрываясь от прибора.

— Голос говорит по-русски, это точно, — произнесла она, хмурия брови. — Языковой модуль распознал. Но... — она прикусила нижнюю губу, на которой всегда, сколько Рейд её помнил, красовался микроскопический след от ручки — привычка грызть колпачок во время раздумий, — акцент странный. Фонетика сглаженная. Как будто человек очень долго не слышал собственной речи. Или слышал только себя. Знаете, как меняется голос у отшельников? Язык без практики... деградирует. Упрощается. Он не просто говорил сам с собой. Он забывал, как это — говорить.

— То есть он не спятил вчера, — мрачно резюмировал Рейд. — Он сходит с ума десятилетиями.

Ларин вдруг резко поднял голову, да так, что хрустнули шейные позвонки. Его глаза, красные от недосыпа, расширились.

— Смотрите! Сенсоры!

Он ткнул пальцем в монитор. На экране, среди шумов и ряби технических данных, проступило изображение. Но не оптическое — камеры дрона по-прежнему молчали, залепленные чем-то с той стороны. Это была реконструкция: лазерное сканирование корпуса и биорадар дрона, объединённые в одну картинку. ИскИн рисовал контуры объекта, опираясь на отражённые сигналы, на колебания плотности, на химический анализ атмосферы за стеклом. Картинка получалась размытой, лишённой деталей, будто силуэт, вырезанный из зелёного тумана и подсвеченный призрачным огнём. Но она была.

Иллюминатор. А за ним — силуэт. Человек? Нет.

Слишком высокий. Слишком узкий. Пропорции, от которых в мозгу срабатывал древний, рептильный страх — страх перед тем, что притворяется человеком, но человеком не является. Конечности неестественной длины, суставы гнутся не там. Позвоночник изогнут под углом, невозможным для Homo Sapiens.

И...

— Он зелёный? — Вера судорожно сглотнула, и её сканер пискнул, подтверждая: концентрация хлорофилла в объекте запредельная. — Биорадар показывает пигментацию. Это не освещение. Он... оно действительно зелёное. Как лист. Как водоросль.

— Как медуза, — прошептал Ларин, сам не зная, почему выбрал это слово.

Силуэт пошатнулся. Движение было рваным, неуверенным — так двигается человек, который провёл слишком много времени в невесомости или слишком долго лежал неподвижно. Мышцы забыли, как работать. Кости забыли, как держать вес. Он будто заново учился стоять. А затем он медленно, мучительно медленно, поднял руку. Рука оказалась неестественно длинной — лазерный сканер услужливо подсветил траекторию, и Вера тихо ахнула, увидев, что кончики пальцев достают почти до колена. Ладонь — или то, что заменяло ладонь, — приблизилась к стеклу.

И постучала.

Три удара. Чётких, размеренных.

Пауза. Долгая, как вдох перед прыжком в пропасть.

Два удара.

— Это код... — прошептал Ларин. Его пальцы уже летали над клавиатурой, вызывая базы данных, сравнивая ритм с известными сигналами. — Три-два. Древний код допуска. Им пользовались на первых станциях. Когда не работала связь, стучали по переборкам. Три-два означает «я свой». Или... «я ещё человек».

— Или он просто не помнит, как это делается, — тихо сказала Вера. Её глаза блестели — то ли от слёз, которые она никогда бы не позволила себе пролить при коллегах, то ли от азарта учёного, стоящего на пороге величайшего открытия. — Может, он забыл азбуку Морзе. Забыл слова. Но помнит ритм. Помнит, что надо стучать. Это мышечная память. Память тела о том, что он — человек.

— А если это не он стучит? — Ларин повернулся к ней, и в его глазах стоял почти суевенный ужас. — Если это то, что съело его изнутри, а теперь носит его тело, как скафандр, и вспоминает, как им пользоваться?

Рейд ничего не сказал. Он просто смотрел на размытый, колышущийся в зелёном тумане силуэт, и в его груди тяжелело знакомое, давно забытое чувство. Не страх. Страх был роскошью, которую начальник станции не мог себе позволить. Это было бремя. Бремя приказа, который он обязан отдать. Бремя решения, которое ляжет на его плечи и на его совесть.

Силуэт за стеклом снова пошатнулся, будто силы его покинули. Рука медленно сползла по стеклу вниз, оставляя на сканированном изображении слабый, тающий след. Он ждал ответа. Ждал слишком долго.

Рейд мрачно сжал кулаки. Костяшки побелели. Тень от его монолитной фигуры легла на стену командного центра, словно ещё один загадочный силуэт в этой истории — четвёртый участник разговора, которого никто не звал.

— Готовьте шлюпку, — произнёс он. Голос звучал глухо, но в нём не было и тени сомнения. — Мы летим. Вера, собирай медкомплект и биозащиту. Полный набор. Ларин — связь, регистраторы, оружие. Встречаемся в шлюзе через пятнадцать минут.

— Оружие? — Вера вскинула брови. — Против безумного отшельника?

— Против того, во что он превратился, — отрезал Рейд. — И против тех медуз, о которых он говорил. Если они существуют, я хочу встретить их с полным заряженным магазином. Всё, конец дискуссии. Пошёл отсчёт.

Он развернулся и зашагал к выходу, и его тяжёлые шаги гулким эхом разнеслись по коридорам «Ковчега-7». Где-то там, в запретном секторе, в мёртвом корабле, который чудом пережил столетие, стоял у иллюминатора зелёный человек и ждал. И что-то подсказывало Рейду, что ждать ему осталось совсем недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.